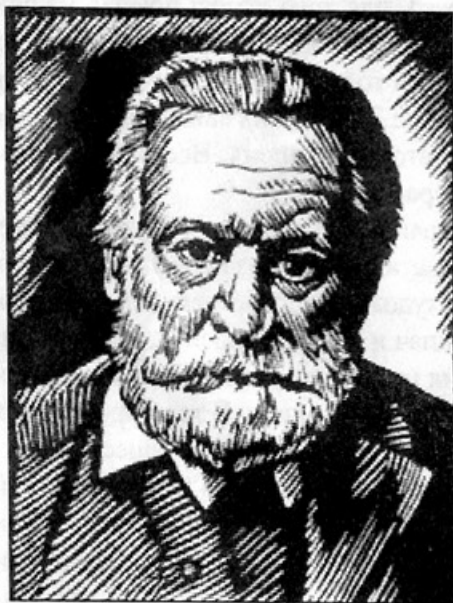

Когда на мой вопрос, сколько книг он проиллюстрировал и оформил, Аркадий Исаакович ответил, что тысячи, я решила, что ослышалась. Но выяснилось: нет, правда, художник действительно выполнил иллюстрации к тысячам книг.

А в 1992-м году, когда он уезжал в Израиль, посчитал количество своих портретных рисунков. Оказалось 15000. Это число превосходило рекорд, зарегистрированный другим художником в «Книге рекордов Гиннеса» — 11 тысяч. Тратить силы для восстановления справедливости Ременник не стал. Он привык все свое время отдавать любимому делу — рисовать. Улыбаясь, Ременник вспомнил забавный случай, произошедший с ним в московской пригородной электричке. Добираясь до дачи, художник сосредоточенно рисовал под стук вагонных колес. А когда собрался выходить, к нему подошел мужчина, представившийся сотрудником КГБ, и попросил задержаться. Пришлось отправляться с ним в обратный путь — на Белорусский вокзал столицы. Там, в отделении милиции, задержанный удивил гэбэшника, представив ему... 25 портретных набросков, выполненных за час пути.

— И как закончился этот инцидент?

— Вполне благополучно. В милиции убедились, что я не шпион, и быстро отпустили. Но бдительное око органов безопасности мы, художники, ощущали постоянно. Я благодарен судьбе и своему педагогу в Московском полиграфическом институте, известному российскому художнику Андрею Дмитриевичу Гончарову за то, что познакомил меня с

Портрет В. Гюго

Портрет О. де Бальзака

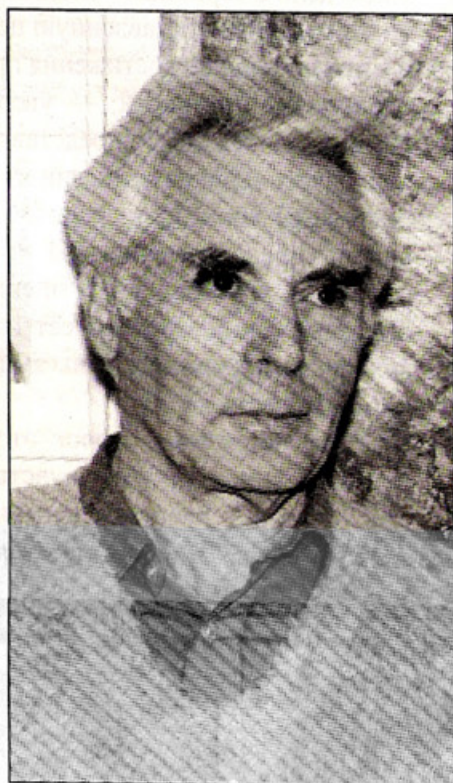
«МОЯ ПРОФЕССИЯ — ХУДОЖНИК»

корифеем советской графической школы Владимиром Андреевичем Фаворским. Он был удостоен многих наград и званий. Но как истинно творческая личность постоянно искал, пробовал себя в различных стилях и направлениях. Эти поиски вызвали резкое недовольство Сталина. Фаворскому приклеили страшный ярлык того времени — формализм. Он остался без средств к существованию. И конечно, такой роскоши как телефон, его лишили. Я установил с ним переписку. Мы отправляли друг другу почтовые открытки и договаривались о встречах. Никогда не забуду день, когда я первый раз увидел репродукции картин Ван Гога. Их мне в условиях полной конспирации у себя дома показал Андрей Александрович Гончаров.

— Я читала воспоминания одного из самых известных художников XX века Элия Михайловича Белютина, как он организовал студию, существовавшую в полуподпольных условиях...

— Творческая студия возникла в 1957 году. Прошло шесть лет после окончания института. Но я стремился совершенствовать свое мастерство, и был в числе самых первых участников студии. Мы сами снимали помещение, нанимали натурщиков, определяли расписание работы. Главное — никто не указывал нам, какой путь в искусстве законен, а какой является преступлением. Мы смело смотрели в будущее, нас окрыляла вера, что мы создаем искусство XXI века. В историю советского искусства Студия экспериментальной живописи и графики Белютина вошла как художественное направление «Новая реальность». Запрет на «белютинцев» просуществовал почти 30 лет — до декабря 1990-го, когда в Манеже открылась наша грандиозная выставка. На ней 400 участников представили более 1000 произведений.

— Бывая на ваших выставках, я поняла, что вы живете двумя искусствами — живописью и графикой. Они для вас родные сестры?

Аркадий Ременник

— Разумеется, они родные сестры, и я отдаю предпочтение той из них, которая полнее отвечает поставленной задаче. Например, это интервью я не могу проиллюстрировать своими живописными работами: газета не передаст цвет картины, поэтому даю гравюры на дереве, зная, что они напечатаны отлично. Разные формы выражения расширяют творческие возможности художника. Я не только выбираю ту или иную технику, но и разрабатываю новые способы творческой работы. Работая в гравюре на различных материалах — дереве, линолеуме, пластике, я разработал новый вид гравирования — на бумаге. Такая работа менее трудоемка, но дает необыкновенный художественный эффект и неисчерпаемые возможности. В 1982 году комитет по делам изобретений СССР вручил мне авторское свидетельство на этот вид гравюры. В то время это было первое и единственное свидетельство в области изобразительного искусства. За последние несколько лет, уже живя в Израиле, мне удалось найти способ изготовления эстампов, в котором интересно сочетаются качество живописи и графики. В основе этого способа — так называемая монотипия, которую я в значительной

степени усовершенствовал. И теперь эта техника позволяет мне создавать новые выразительные и оригинальные работы.

— Я понимаю, что из тысяч оформленных вами книг, трудно выбрать самые дорогие. И все же, какие бы книги вы назвали, если бы пришлось делать такой выбор?

— Есть книги, которые оставили особый след в моей творческой судьбе. Это, прежде всего, книги, связанные с Израилем и ивритом. Если книги в переводе с идиша в Советском Союзе хоть изредка, но выходили, то литература в переводе с иврита фактически не издавалась. Власть меньше всего была заинтересована в том, чтобы «единственный советский народ» ознакомился с израильской литературой. Но в 1965 году через железный занавес проник солнечный лучик с нашей далекой исторической родины. В издательстве «Прогресс» готовилась к печати книга «Рассказы израильских писателей» и мне ее поручили оформить. Возможно, подсознательно предчувствуя будущее, я изобразил на обложке апельсиновое дерево. Хотя тогда, конечно же, не знал, что ветка апельсинового дерева украшает герб Реховота, который примет меня, нового репатрианта, через 27 лет. После разрыва дипломатических отношений с Израилем ни о какой израильской литературе, естественно, не могло быть и речи. И только после распада Союза в 1992 году издательство «Художественная литература» выпустило в свет книгу стихов классика ивритской поэзии Хаима Бялика, которую я тоже оформил. А уже после приезда в Израиль, в 1999 году, ко мне обратилась с предложением оформить переведенную на русский язык книгу произведений ее покойного отца дочь Цви Прейгерсона. Это предложение я воспринял как большую честь и огромную ответственность. Книга «Бремя имени» стоит в одном ряду с лучшими произведениями современной ивритской литературы. Живя в

Советском Союзе, Цви, специалист по обогащению полезных ископаемых, прекрасно знал иврит. Уже сам по себе этот факт расценивался как преступление. Цви Прейгерсон был арестован, прошел через ГУЛАГ. Он написал книгу на запрещенную еврейскую тему на запрещенном языке — иврите. Знакомство с ивритской литературой помогает мне лучше понять страну, в которой я живу. И сегодня эта тема занимает значительное место в моем творчестве. К 50-летию Государства Израиль я написал картину, посвященную Войне за независимость. Мои живопись и графика — это портреты окружающих меня людей, пейзажи Израйла и Реховота.

— Вы с огромным почтением вспоминаете о своих учителях. А есть ли у вас ученики?

— Да, конечно. Среди своих учеников я особенно горжусь Диной Мазер, которая в 1997 году получила первый приз на всемирной выставке в Германии, проходившей под эгидой ЮНЕСКО. Дина отлично работает маслом. К экзамену на аттестат зрелости она подготовила серию портретов, выполненных углем, и получила 100 баллов. Занятие изобразительным искусством помогают духовному обогащению личности, развивают вкус, чувство гармонии. Человек, даже мало-мальски разбирающийся в искусстве, не вставит в альбом бездарную фотографию, не повесит на стену явную подделку под живопись. За свою более чем 50-летнюю жизнь в искусстве я убедился: любовь к прекрасному надо воспитывать у ребенка с детских лет.

Беседовала Зоя ЯНОВА

Экслибрис Б. Жutowского

Портрет Б. Спинозы